



ПРОФЕССОРСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ



Сабина Юсвинд



18+

Сабина Юсвинд

Профессорская привилегия

<https://litres.ru/73943524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сун-Ми Чхве всю жизнь доказывала, что она лучшая. Лучший преподаватель. Лучший учёный. Лучший человек в любой комнате, куда входила. Шесть человек отказались от этой должности до неё.

Кафедра литературы университета «Сайнт-Кромвелл» встречает своего нового заведующего с привычным равнодушием старого здания: протечки в потолке, восемнадцатилетний долг перед библиотекой, профессора, которые давно перестали верить в перемены, и декан, чья улыбка означает ровно противоположное тому, что он говорит.

Сун-Ми не собиралась спасать кафедру. Она собиралась просто делать свою работу. Но работа заведующего — это не про книги и лекции. Это про людей: сломленного гения Роберта Эшли, который прячет лучшую главу своей жизни в незаконченной рукописи; принципиальную Диану Стерн, которая устала

«Профессорская привилегия» — роман о том, как выглядит власть изнутри: не как трон, а как гора чужих проблем в красивой обёртке. И о том, чего она стоит — по-настоящему.

Автор рисунка Сабина Юсвинд

Содержание

Глава	5
Глава 1. Назначение	6
Глава 2. Первый день	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сабина Юсвинд
Профессорская привилегия

Глава

Том 1: Восхождение

Глава 1. Назначение

В день, когда Сун-Ми Чхве получила кафедру, сломался лифт, уволился секретарь и один профессор пришёл на лекцию в пижаме. Она решила, что это знак. Она была права.

Письмо пришло в пятницу в 16:47 — в то самое время, когда все мало-мальски разумные люди уже покинули университетский корпус и думали о выходных. Сун-Ми сидела в своём крошечном кабинете на третьем этаже, рядом с кабинетом хранения копировальной бумаги, запах которой она за семь лет так и не смогла полюбить. На столе перед ней громоздилась стопка курсовых работ, ожидавших проверки, кружка давно остывшего кофе и маленькая фотография дочери Юми в возрасте трёх лет — единственное украшение в кабинете, которое она никогда не убирала.

Тема письма гласила: «Официальное уведомление — Кафедра литературы и гуманитарных наук». Сун-Ми открыла его рассеянно, ожидая очередного напоминания о сдаче ведомостей или приглашения на никому не нужный обязательный семинар по корпоративной этике.

Она прочла первый абзац. Затем второй. Затем закрыла письмо и снова открыла, решив, что произошла какая-то ошибка.

Ошибки не было.

«Уважаемая профессор Чхве, — начиналось письмо с

тщательно выверенной теплотой человека, который привык писать письма, одновременно ни к чему не обязывающие и несущие необратимые последствия, — Учёный совет университета «Сайнт-Кромвелл» с большим удовольствием информирует Вас о Вашем назначении на должность заведующего кафедрой литературы и гуманитарных наук с первого числа следующего месяца. Мы уверены, что Ваш профессиональный опыт, научные достижения и преданность делу образования...»

Дальше шли слова о «новом этапе», «высоком доверии» и «искренних поздравлениях». Последним стояла подпись декана — Харольда Финча, — выполненная с той изящной небрежностью, которая бывает только у людей, подписывающих по сорок бумаг в день.

Сун-Ми откинулась на спинку стула и уставилась в потолок. Потолок был белым, с едва заметным пятном в углу — след от протечки прошлой зимой, который никто так и не удосужился закрасить. Она смотрела на это пятно ровно столько, сколько понадобилось, чтобы осознать: её жизнь только что изменилась, и спросить согласия у неё никто не удосужился.

Харольд Финч занимал должность декана факультета уже одиннадцать лет и за это время в совершенстве освоил три ключевых искусства административной жизни: улыбаться в нужный момент, говорить не то, что думаешь, и никогда не находиться в кабинете, когда приходит что-то неприятное.

Утром в понедельник он встретил Сун-Ми в коридоре третьего этажа — именно встретил, а не пригласил, что само по себе было красноречиво. Харольд Финч не приглашал людей на разговоры, которые могли обернуться неудобными вопросами. Он предпочитал случайные встречи, где контекст не давал собеседнику времени собраться с мыслями.

— Профессор Чхве! — воскликнул он с той теплотой, которую Сун-Ми за семь лет научилась читать безошибочно: это была теплота человека, который что-то хочет, а не теплота человека, который что-то даёт. — Рад видеть вас! Надеюсь, вы получили наше письмо?

— Получила, — сказала Сун-Ми. — У меня есть несколько вопросов.

— Разумеется, разумеется, — кивнул Финч, не сбавляя шага, так что Сун-Ми пришлось идти рядом. — Вы, конечно, удивлены. Это нормально. Большая ответственность — это всегда...

— Почему я? — перебила она.

Финч на секунду замедлился — ровно на столько, чтобы она это заметила, — и снова заулыбался.

— Потому что вы лучший специалист на кафедре, профессор Чхве. Ваши публикации, ваши курсы, ваша работа со студентами — всё это говорит само за себя.

— А что говорит отказ профессора Вудбриджа? — спросила Сун-Ми ровно. — И профессора Хейли?

На этот раз пауза была длиннее.

— Они оба решили сосредоточиться на научной работе, — сказал Финч тоном человека, закрывающего дверь. — Что вполне понятно, учитывая их возраст и...

— Харольд, — сказала она, и он остановился, потому что она впервые назвала его по имени, что в коридорах «Сайнт-Кромвелла» означало примерно то же, что красная ракета на флагштоке флота, — я хочу знать, сколько людей отказались до меня.

Финч посмотрел на неё. Она посмотрела на него. За окном в конце коридора мелко моросил октябрьский дождь.

— Пятеро, — сказал он наконец.

— Пятеро, — повторила Сун-Ми.

— Но это ничего не значит. Кафедра переживает непростой период, и нам нужен именно такой человек, как вы. Сильный. Принципиальный. Способный...

— Когда нужно приступить?

— С первого числа.

— Сегодня двадцать девятое.

— Да, — сказал Финч с облегчением человека, избежавшего неприятного разговора. — Именно поэтому мы так рады, что вы согласны.

Сун-Ми не помнила, чтобы она говорила «да». Но Финч уже шёл по коридору, кивая встречным преподавателям, и его фигура в дорогом сером пиджаке удалялась с той привычной лёгкостью, которая бывает у людей, умеющих оставлять проблемы позади — буквально и фигурально.

Кабинет заведующего кафедрой находился на четвёртом этаже, в угловой комнате с двумя окнами, выходящими во внутренний двор. По меркам «Сайнт-Кромвелла» это было роскошное помещение: дубовые панели на стенах, высокие потолки, встроенные стеллажи от пола до потолка, заставленные книгами, которые предыдущий заведующий — профессор Леонард Брэйди, ушедший на пенсию три месяца назад, — собирал сорок лет.

Сун-Ми вошла туда в первый раз в среду утром, за два дня до официального вступления в должность, с картонной коробкой своих вещей в руках. Коробка была небольшой: несколько книг, фотография Юми, любимая кружка с надписью «Я читала больше книг, чем ты», купленная на распродаже, и маленький кактус по имени Достоевский — единственное растение, которое не погибло в её кабинете.

Секретарь кафедры Агнес Пул — женщина лет шестидесяти, с аккуратной серой причёской и взглядом человека, который видел на этой кафедре всё и давно перестал удивляться, — встретила её у двери.

— Профессор Чхве, — сказала Агнес без особого выражения. — Добро пожаловать.

— Спасибо, Агнес. — Сун-Ми поставила коробку на стол и оглядела кабинет. — Профессор Брэйди забрал свои вещи?

— Часть. Остальное сказал оставить. — Агнес кивнула на стопку папок в углу. — Там документы по текущим делам.

Расписание, бюджет, заявки на оборудование. И список того, что он не успел доделать.

— Длинный список?

Агнес посмотрела на неё с тем выражением, которое Сун-Ми со временем научилась переводить как «вы даже не представляете».

— На сорок три страницы, — сказала секретарь. — С примечаниями.

Сун-Ми поставила Достоевского на подоконник и раскрыла первую папку. Рабочий день закончился в половине одиннадцатого вечера.

Глава 2. Первый день

Первое заседание кафедры было назначено на четверг — в десять утра, аудитория 401, явка обязательна. Это последнее уточнение Сун-Ми добавила сама, понимая, что без него половина профессоров найдут причину не прийти. Она знала своих коллег.

К десяти часам в аудитории 401 собрались восемь человек из четырнадцати. Сун-Ми отметила присутствующих и сделала в блокноте пометки напротив отсутствующих — не из злого умысла, а потому что в новой должности она начинала понимать: информация — это единственная валюта, которая здесь имеет настоящую цену.

Роберт Эшли сидел в последнем ряду, несмотря на то что аудитория была маленькой и «последний ряд» отстоял от первого примерно на три метра. Он выглядел так, как обычно выглядят великие люди, давно переставшие стараться: мятый твидовый пиджак, седые волосы, зачёсанные с той небрежностью, которая требует определённых усилий, и взгляд человека, который присутствует физически, но мысленно находится где-то значительно более интересном.

Роберт Эшли был легендой. Двадцать лет назад он написал монографию по модернизму, которую изучали в университетах по всей Европе. Пятнадцать лет назад получил премию за лучший курс лекций года — трижды подряд. Десять

лет назад начал пить. Пять лет назад это стало предметом официального разговора с деканатом. Три года назад разговоров стало несколько. В прошлом семестре один из его студентов написал жалобу: профессор Эшли явился на семинар по модернизму в домашних туфлях и с запахом бренди, который не мог скрыть даже мятный леденец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.